

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-13-18

УДК 32.019.5(045)

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭЛИТЫ В РОССИИ В 2010-Е ГОДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРАХОВКИ ПОЛИТСИСТЕМЫ ОТ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОГО СЦЕНАРИЯ*

Салин Павел Борисович, канд. юрид. наук, директор Центра политологических исследований, старший преподаватель Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
salpavbor@mail.ru

Аннотация. Актуальность данной темы обусловлена приближением открытого этапа транзита российской политической системы, что неизбежно будет сопровождаться сменой политических поколений элиты. В связи с этим встает вопрос о том, какая «стратегия выхода» существует у той элиты, которая находится у рычагов управления страной в настоящий момент – именно она будет оказывать решающее влияние на течение и итоги транзита политической системы. Цель данной статьи – проанализировать реализацию стратегии власти по национализации элиты, которую она осуществляла в 2010-е гг., оценить ее ход, ограничения и проблемы, с которыми она столкнулась. В статье рассматривается российский опыт национализации элиты последних семи лет как с точки зрения изменений в законодательстве, так и, самое главное, правоприменительной и политической практики. Особый упор сделан на существующих ограничениях данного проекта – отсутствии у элиты связанной со страной «стратегии выхода» и большого проекта, который мог бы мобилизовать элиту. В заключение приводится вывод о том, что события 2014 г. и последовавшая за ними конфронтация с Западом сделали для национализации элиты гораздо больше, чем целенаправленные усилия власти в течение двух лет до этого. Однако политическая практика пока не дала ответ на ключевой вопрос – каким будет второй этап национализации элиты, который завершится к 2022–2024 гг.

Ключевые слова: элита; национализация; транзит политической системы; мобилизационный проект; exit strategy

THE NATIONALIZATION OF THE ELITE IN RUSSIA IN 2010-IES AS AN ELEMENT OF POLITICAL SYSTEM INSURANCE IN CASE OF REALIZATION OF THE DESTRUCTIVE SCENARIO**

Salin P.B.,

Ph.D. of Laws, Director, Center of Political Studies; Senior Lecturer, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
salpavbor@mail.ru

Abstract. The relevance of this topic is due to the forthcoming of the open stage of transit of the Russian political system, which will inevitably be accompanied by a change of generations of the political elite. It raises the question of what “exit strategy” exists for the existing elite, which is now at the levers of governmental management. It will

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared according to the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

have a decisive influence on the course and outcome of the transit of the political system. The purpose of this article is to analyse the implementation of the government's strategy for the nationalisation of the elite, which is carried out in the 2010s, to assess its progress, limitations and problems it faced. The article deals with the Russian experience of nationalisation of the elite of the last seven years, both in terms of changes in legislation and, most importantly, law enforcement and political practice. The author placed particular emphasis on the existing limitations of this project – lack of "exit strategy" of the current elite and lack of a large project that could mobilise the elite. The author concludes that the events of 2014 and the ensuing confrontation with the West have done much more to nationalise the elite than the purposeful efforts of the authorities for two years before. However, the political practice has not yet answered the key question – what will be the second stage of nationalisation of the elite, which will be completed by 2022–2024.

Keywords: elite; nationalisation; the transition of the political system; mobilising the project; exit strategy

Процесс национализации политической элиты в России одновременно усложняется и упрощается тем, что в стране исторически сложились отношения власти-собственности, которые не менялись как в советский, так и постсоветский период [1]. Тем самым процесс национализации экономической элиты практически неотделим от процесса национализации политической элиты, хотя, и с точки зрения хронологической последовательности, второе предшествует первому [2]. Поскольку российская экономика и политическая система носили и носят ярко выраженный рентный характер, то благополучие представителей господствующего класса (без его подразделения на экономическую и политическую части) зависело и зависит от места в иерархии государственной власти. При этом экономическая элита на протяжении последних 15 лет становится все более тесно связанной с политической элитой как неформально, по мере становления устойчивых патрон-клиентских отношений в постельцинской России, так и, что самое главное, с формальной точки зрения. Последнее происходит благодаря набирающей силу тенденции огосударствления экономики — через становление юридического института госкорпораций и расширения сферы деятельности госкомпаний, включения в их структуру новой ресурсной базы.

На уровне официального дискурса проблема национализации элиты стала подниматься в 2012 г., когда этот концепт был публично озвучен, а затем переведен в юридическую плоскость. Однако на первоначальном этапе он столкнулся со значительным сопротивлением самого «объекта» — национализируемой элиты. Ключевой причиной такого недовольства ста-

ли намерения власти запретить чиновникам и их родственникам владеть собственностью за рубежом. Сначала Президент РФ В.В. Путин летом 2012 г. дал год на то, чтобы вернуть активы в страну, а позднее данная инициатива была оформлена в виде законопроекта, который также предусматривал переходный период до середины 2013 г. [3].

Некоторые представители политической элиты публично высказались против такой инициативы, явно ретранслируя не только свою личную точку зрения. В этом плане наиболее резко выступил глава Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству А.А. Клишас, который заявил, что верхняя палата российского парламента не поддержит введение запрета на банковские вклады и собственность за рубежом для госслужащих. Менее категоричен был глава фракции «Единой России» в Госдуме А.Ю. Воробьев, который указал на возможность серьезной корректировки законопроекта во время его прохождения через нижнюю палату парламента.

Однако в итоге закон был принят в компромиссной версии, которая заметно ограничивала мобильность политической элиты — был введен запрет на владение высоколиквидными активами, в то время как иметь низколиквидные активы разрешалось. Позднее, когда политическая элита прошла процесс психологической адаптации, в соответствии с «тактикой салями» в отношении нее начали вводиться новые меры по национализации, например негласный запрет на обучение детей за рубежом.

Следует отметить, что экзистенциальное сопротивление, в первую очередь — политической элиты, процессам национализации было обусловлено системными причинами [4]. В принципе эти причины укладываются

в концепцию разъединенных и объединенных элит Дж. Хигли [5]. Ключевая проблема российской политической системы заключается в том, что у российской элиты нет «стратегии выхода» (exit strategy) внутри страны, причем это справедливо как для ситуации до 2014 г., так и после нее, хотя в последние несколько лет ситуация несколько изменилась, и значительная часть элиты в связи с этим оказалась в тупике. В итоге в стратегических планах элиты присутствует фактор запланированной эмиграции, хотя реализация этой стратегии после 2014 г. в большей степени затруднительна, особенно если говорить о представителях госуправления, а не бизнеса.

Вышеуказанный фактор «запланированной эмиграции» является, возможно, самым важным, но отнюдь не единственным параметром, характеризующим позицию элитных групп по отношению к формированию «суверенной» модели политической системы. Еще один параметр — отсутствие серьезного мобилизационного проекта, ради которого политическая элита могла бы пойти на самоограничение.

В начале 2010-х гг. власть пыталась запустить несколько таких проектов, как раз в рамках стратегии «кумулятивных» действий по национализации прежде всего политической элиты. В первую очередь в начале 2010-х гг. власть отошла от либеральной парадигмы в развитии политической и ценностной системы и сделала крен в сторону консерватизма.

Это позволило власти предпринять попытку идеологического обоснования сохранения статус-кво, к чему стремились и стремятся ведущие элитные группы — бенефициары существующей политической системы. В целом выбор в пользу такой линии был сделан еще в начале 2012 г., но тогда отсутствовали признаки концептуальности, а действия власти носили тактический и зачастую хаотический характер. Это было вполне понятно, так как она оказалась не готова к всплеску недовольства в Москве и ряде других городов, считая, что идеологическая парадигма «нулевых» себя еще не исчерпала.

Однако к осени 2012 г. у власти наметился план действий по претворению консервативной концепции в жизнь. Он включал как идеологические моменты, которые затем пытались внедрить в общественное сознание, так и вполне прикладные инициативы законодательного

плана. К последним, например, относилась инициатива власти, которая позволила продлить предельный срок службы чиновников до 65 до 70 лет.

Поскольку консервативный проект получил со стороны власти полную поддержку, в нем сразу же обозначились конкурирующие течения. Можно выделить два основных проекта, которые в чем-то друг друга дополняли, а где-то содержали принципиальные противоречия. При этом элитные группы, осознав, что идеология может служить удобным прикрытием для перераспределения бюджетных средств, тут же подключились к этой игре.

Первый проект был «обкатан» властью летом 2012 г., поводом для чего послужил суд над Pussy Riot. Речь идет о проекте, который условно можно назвать «имперско-православным». Его инициатором, вопреки расхожему мнению, стала не РПЦ, которой клерикализация общества не совсем выгодна по ряду причин, а силовая корпорация. Следует отметить особую роль этих структур в нагнетании ситуации вокруг дела панк-группы — от того, что их представители де-факто стали участвовать в охране храма Христа Спасителя, до того, что многие дискутировавшие лица действовали явно с их подачи.

Однако обкатка «имперско-православного» проекта продемонстрировала, что он не находит поддержки значительной части населения, особенно в его «клерикальной» интерпретации. Агрессивное поведение православных активистов, как и их заявления о намерении создавать дружины в крупных городах для патрулирования улиц, оказались слишком радикальными для граждан. Против проекта выступили и некоторые представители элиты, в том числе и силовой корпорации. Так, например, представители МВД публично заявили, что не разделяют идею создания «православных народных дружин».

В итоге пиар-кампания по продвижению этого проекта явно пошла на спад, причем по инициативе власти. Так, например, на центральных телеканалах в течение короткого времени (1–2 недели) кратно снизился хронометраж сюжетов, посвященных ситуации вокруг Pussy Riot (включая «крестоповал» и т.п.).

В это же время активизировались лоббисты второго проекта консервативного толка, который условно можно назвать «левым» или

«квазисоветским». Старт ему дал сам Президент РФ, призвавший повторить опыт сталинской модернизации в оборонно-промышленном комплексе (ОПК). По понятным причинам его аппаратными лоббистами выступали представители ОПК, а также поддерживающие их представители силовой корпорации. Его суть заключалась в апелляции к достижениям советской эпохи, а экономической составляющей должна была стать масштабная реиндустриализация с ведущей ролью ОПК — как в СССР [6].

Между тем изначально было ясно, что реализация обоих консервативных проектов в чистом виде затруднена. Выше уже говорилось о том, что «имперско-православный» столкнулся с определенными трудностями и практически сразу де-факто был заморожен. В целом население страны вряд ли позитивно его восприняло бы. Так, церковь как институт пользуется серьезным авторитетом в обществе, но она воспринимается как источник морально-нравственных требований, а никак не религиозных (как в мусульманских странах) и уж тем более не политических (инициатива создания «Православной партии»).

«Левый» проект, с точки зрения реализации, изначально был гораздо менее проблематичен, особенно с учетом российского исторического опыта и растущего запроса на социальную справедливость.

В конце января 2013 г. стало известно, что В.В. Путин поручил президенту РАН Ю.С. Осипову разработать силами Академии наук план стратегического развития страны, который свел бы к минимуму зависимость России от внешних потрясений. При этом особое внимание привлек тот факт, что Президент поручил разработать не столько абстрактный план, сколько пакет документов, необходимых для его реализации. Это свидетельствует о том, что Путин был намерен предпринять конкретные действия, включая перестановки в коридорах власти [7].

Решимость главы государства можно было объяснить тем, что у власти практически не осталось временного лага, чтобы делать ставку на сохранение статус-кво, как это казалось возможным еще несколько месяцев назад. В начале 2013 г. стали поступать серьезные сигналы о том, что состояние российской экономики и особенно ее ближайшие перспективы близки к критическим. Так, например, 2012 г. закончился нулевым профицитом бюджета,

в то время как годом ранее этот показатель превысил 400 млрд руб. Количество рабочих мест за 2012 г. сократилось почти на 150 тыс. При этом китайская сторона заявила, что она намерена воспользоваться вступлением России в ВТО и начать заключать многомиллиардные контракты на поставку современных промышленных комплексов, чтобы «помочь» России провести реиндустриализацию. На самом деле с учетом того что китайские производители обладают существенными конкурентными преимуществами по сравнению с российскими, это привело бы к критической технологической зависимости российской экономики от китайской продукции.

Еще одним ключевым условием для успеха мобилизационной модели на тот момент было экономическое и финансовое «закрытие» страны, что, по мнению сторонников мобилизационного развития — представителей российской элиты, помогло бы оградить ее от внешних негативных влияний. При этом предполагалось изменение всей финансовой модели, которая в различных вариациях оставалась одинаковой в течение 20 лет, начиная с распада СССР. Если ранее говорилось, что оптимальным инструментом является выпуск денежных средств, не превышающих объем золотовалютных резервов, то позднее предлагалось перейти к практике выпуска необеспеченных государственных обязательств. В принципе такую политику весьма успешно используют США, но их символический капитал, на котором построена вся мировая финансовая система, на порядки превышает российский. Более того, такая практика неограниченной эмиссии эффективна лишь в том случае, если она в большинстве своем стерилизуется за пределами страны-эмитента (золотовалютные резервы многих стран и прочие активы привязаны к доллару). В случае же «закрытой» экономики это в первую очередь приведет к инфляции и обесцениванию сбережений населения, которое будет лишено возможности конвертировать их в более стабильные валюты (как периодически происходит в Белоруссии). В качестве выхода предлагалось «вбрасывать» избыточную валюту в экономики стран на постсоветском пространстве и стерилизовать ее там, пользуясь интеграционными проектами. Но сразу возникли серьезные сомнения, что элиты этих стран пойдут на такой шаг.

Позднее власть еще более конкретизировала параметры курса, который она намеревалась реализовать в рамках проекта национализации элит. Окончательная парадигма была презентована на площадке Изборского клуба, который не являлся «фабрикой мысли» консервативного толка, как позиционировали клуб его участники. Он представлял собой медийно-экспертную площадку для публичной обкатки идеологием, которые власть была намерена предложить обществу. Судя по звучавшим на его заседаниях заявлениям, власть была намерена сделать ставку на «квазисоветский» сценарий мобилизации. Формально апеллировать планировалось к рациональным моментам — необходимости реиндустриализации страны, без которого у России нет будущего. На этом экономическом «базисе» предполагалось выстроить политико-идеологическую надстройку, которая бы обосновывала два момента. Первый — это необходимость консолидации вокруг действующей власти (что означало консервацию элиты), второй — «закручивание гаек», что само по себе смотрится абсурдно и чрезмерно, но органично вписывается в логику мобилизационного «рывка» и реализации проекта по национализации элиты.

Однако реализация мобилизационного проекта в рамках курса на национализацию элиты столкнулось с другим, гораздо более серьезным системным ограничением. Сторонники реализации такого сценария прямо утверждали, что необходимо использовать опыт СССР 1930–1950-х гг. (<https://izborsk-club.ru/15978>). Между тем население СССР того времени (как, впрочем, и население России в последние 400 лет) находилось в совершенно иных демографических и социальных условиях. Во-первых, до 1990-х гг. на протяжении нескольких столетий среди русскоязычного большинства населения наблюдался демографический подъем, в то время как с 1990 г. оно в состоянии упадка. Именно «человеческим материалом» во многом покрывались издержки как петровской, так и сталинской модернизации. Во-вторых, в СССР/России к концу прошлого века был в целом закончен процесс урбанизации, в то время как сталинская модернизация во многом была основана на дешевом труде сельских переселенцев в городах и беспрецедентно низком уровне жизни жителей деревни.

Современный житель России (не только и не столько Москвы) — потребительски настро-

енный индивидуалист-собственник, во многом рассчитывающий на социальные авансы от государства. Это подтверждают и данные соцопросов. Пока власть пытается апеллировать к идеалистическому началу населения, продвигая различного рода инициативы по моральному воспитанию, население расставляет приоритеты совсем по-иному. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в 2013 г., состояние общественной морали беспокоило 21% респондентов, в то время как такие близкие к повседневности темы, как ЖКХ и инфляция, вызывали беспокойство у 54% опрошенных, общий уровень жизни — у 46%, а ситуация в сфере здравоохранения — у 43% (<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1200>). В последние годы эти акценты в расстановке приоритетов у населения приобрели еще более ярко выраженный характер.

Последующие в 2014 г. события, самым системообразующим из которых стало вхождение в состав РФ Крыма, сняли с повестки дня вопрос о реализации какого-либо из вышеуказанных мобилизационных проектов. Во-первых, мобилизация населения и элиты вокруг власти произошла «явочным порядком», без осуществления каких-либо долгосрочных концепций и траты на это серьезных ресурсов. Геополитическая повестка почти на три года вытеснила социально-экономическую.

Самое главное, что последствия присоединения Крыма (в частности, последовательное наращивание Западом давления на российские элиты вне зависимости от целей такого давления) гораздо больше способствовали реализации проекта власти по национализации элиты (особенно политической), чем все ее усилия в данном направлении с середины 2012 до начала 2014 г. В условиях жесткого давления со стороны Запада представители российской политической элиты либо были вынуждены «национализироваться», либо выбирали «запасные аэродромы», но при этом автоматически выбывали из российского политического класса, как это произошло со многими депутатами, членами Совета Федерации и даже губернаторами.

Выводы

К настоящему моменту в рамках развития российской политической системы реализован первый этап национализации элиты. Однако

в ближайшие несколько лет (до 2022–2024 гг.) ей предстоит пройти через самый важный, второй. Он заключается в том, чтобы «национализированная» элита начала процесс смены политических поколений по естественным возрастным причинам. И по итогам этого второго этапа элиты получают ответ на вопрос, что является более рациональной и перспективной стратегией — быть «национализированными» или все-таки связывать свою exit strategy с иными

юрисдикциями и политическими системами. А данный ответ будет зависеть от решения другого ключевого вопроса — смогут ли элиты в рамках транзита политической системы перейти к совместному контролю над силовыми инструментами, что некоторые западные исследователи-неоинституционалисты относят к одному из трех ключевых условий достижения экономического и политического лидерства в рамках национальной модели [8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кордонский С. Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ; 2000.
2. Колесников А. Национализация элит: в чем реальный смысл введения запрета на зарубежные счета. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/234218-natsionalizatsiya-elit-komu-nuzhen-zapret-na-zarubezhnye-scheta>.
3. Иваницкая Н., Докукина К., Малкина И. Национализация элиты. URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/237712-natsionalizatsiya-elity-kak-kreml-zastavlyal-chinovnikov-rodinu-lyubit>.
4. Салин П. Б. Инновационное развитие России: проблемы и решения. Монография. Эскиндаров М. А., Сильвестров С. Н., ред. М.: Анкил; 2013. 1216 с.
5. Хигли Дж. Демократия и элиты. *Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики)*. 2006;(2):22–31.
6. Дроздов Б. В. Концепция новой индустриализации России. Предложения к обсуждению. URL: www.rusrand.ru.
7. Письменная Е. Глазьев укажет стране курс. *Ведомости*. 18.01.2013.
8. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Е. Т. Гайдара; 2011.

REFERENCES

1. Kordonsky S. G. Markets of Power. Administrative markets of the USSR and Russia. Moscow: OGI; 2000.
2. Kolesnikov A. Nationalization of elites: What is the real meaning of the ban on foreign accounts. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/234218-natsionalizatsiya-elit-komu-nuzhen-zapret-na-zarubezhnye-scheta>.
3. Ivanitskaya N., Dokukina K., Malkina I. Nationalization of the elite. URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/237712-natsionalizatsiya-elity-kak-kreml-zastavlyal-chinovnikov-rodinu-lyubit>.
4. Salin P. B. Innovative development of Russia: Problems and solutions. The monograph. Eskindarov M. A., Silvestrov S. N., eds. Moscow: Ankil; 2013. 1216 p.
5. Higley J. Democracy and elites. *Politiya: analiz, khronika, prognoz (zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)*. 2006;(2):22–31.
6. Drozdov B. V. The concept of the new industrialisation of Russia. Suggestions for discussion. URL: www.rusrand.ru.
7. Pismennaya E. Glazyev will show the country the course. *Vedomosti*. 18.01.2013.
8. North D., Wallis J., Weingast B. Violence and social order. A conceptual framework for interpreting recorded human history. Moscow: Gaidar Institute; 2011.